

(...) „Дядя Ваня“, пьеса г. Чехова

тируется устройство общежитий и столовых для детей, учащихся в средних учебных заведениях (специально для провинциальных членов).

В настоящее время уже открыты взносы пожертвований (за подробностями желающие могут обращаться к секретарю общества, Марье Хрисанфовне Свентицкой, Москва, Гранатный пер., д. Гольденвейзеры), и составлена комиссия для детальной разработки вопроса об устройстве вышеупомянутых учреждений, и как только сумма взносов и пожертвований достигнет достаточной величины, общество тотчас же начнет функционировать. Таким образом, дело всецело зависит от того, встрят ли это начинание сочувствие и поддержку интеллигентного общества.

Гораздо лучше обстоят дела с обществами, учреждаемыми не для помощи гибнущим и оставленным на произвол судьбы, а для собственного удовольствия и времяпрепровождения, каковым является учрежденный в этом году „Литературно-художественный кружок“. Судя по тому, что названный кружок нанял для своего помещения квартиру в тридцать комнат на одной из главных улиц, он располагает бюджетом в несколько десятков тысяч. Председателем кружка состоит jeune premier Малаго театра, г. Южин (он же и драматург, князь Сумбатов), а членами — актеры и актрисы преимущественно Малаго театра и их рецензенты, преимущественно из уличной прессы.

Цель кружка — развлекаться пением и декламацией, пить, есть и играть в карты. Как видите, читатель, есть много оснований, что кружок процветает на славу, — но при чем же тут литература и искусство?

На днях общество русских драматических писателей праздновало 25-летие своего существования. Как

видно из представленного отчета, драматическое дело развивается и дает все больший и больший доход. Так, доходы общества с 26 тысяч в 1874—76 годах достигли в 1898 году 177,000, а за все время существования в общество поступило 2.118,000 — цифра, конечно, ничтожная, в сравнении с доходами драматургов в Англии и Франции, где, например, Альфонс Додэ со своей пьесы „Борьба за существование“ получал в течение нескольких месяцев по 10,000 фр. ежедневно, — но все же для России довольно крупная.

Целостное материальное положение общества драматических писателей дало повод профессору А. Н. Веселовскому замечать в своей речи, что теперь, когда авторские права получили свое официальное признание и драматическое искусство стало доходным ремеслом, зачастую обезпечивающим не только самого драматурга, но и его наследников, гг. драматургам не мешало бы подумать и об идейной стороне дела. На это, очевидно совершенно не поняв, о чем идет речь, кн. Сумбатов возразил, что драматическое общество нельзя упрекать в равнодушии к идейным интересам, так как общество ассигновало 4,000 руб. на учреждение стипендии имени Пушкина в московском университете и 1,000 руб. в пользу убогих для престарелых писателей в с. Михайловском. А г. Невьян даже как будто обиделся и в своей речи высказал мысль, что как он, так и другие современные русские драматурги всегда шли и идут по стопам Гоголя и Островского(?). Но стоит только вспомнить, какие пьесы получили за последние года Грибодовскую премию общества, чтобы видеть, как далеки от истины слова г. Невьяна. Эти пьесы так же хорошо знакомы Петербургу, как и Москве, и о них нечего много распространяться. Это „Старый за-

каз“ кн. Сумбатова или, лучше сказать „старый хлам“ — пьеса, состряпанная из „Евгения Онегина“, романов Марлинского и „Вдвойне Лизы“ Карамзина; — „Цена жизни“ г. Вл. Немировича-Данченко, в которой автор проводит мысль, что раз воробы чиркают и солнце светит, то этого вполне достаточно, чтобы жить и наслаждаться жизнью и, игнорируя все гнусное и вопиющее, спокойно стричь купоны... Если к этому прибавить „Первую муху“ г. Величко и „Джентльмена“ того же кн. Сумбатова, то станет очевидным, что даже премированные драматические произведения стоят на довольно низкой степени идейного и художественного достоинства. Можно без преувеличения сказать, что, за немногими исключениями, наши драматурги в среде русских писателей занимают такую же низкую ступень, как бушмены и жители Огненной земли среди народов земного шара. Чуждые идейного содержания, далекие от понимания запросов времени, они не в состоянии не только сказать живое слово, но даже дать мало-мальски верное отражение действительности. Пережевывая избитые сюжеты вьи времени и пространства, они стараются льстить пошлым вкусам толпы, довольствующейся грубыми эффектами и прописной моралью. Печально, что и судьи, назначающие премии, оценивают пьесы не с точки зрения их художественного и идейного содержания, а сообразясь с тем, сколько представлений выдержала пьеса на Императорской сцене, хотя для кого же секрет, что число представлений не зависит ни от художественных достоинств пьесы, ни даже от ее успеха у публики, а от усмотрения дирекции, которое, в свою очередь, зависит от посторонних влияний, не имеющих ничего общего с искусством. Благодаря этому способу оценки, такие пьесы, как „Своя рука владыка“ г. Воборыкина

Московская жизнь.

1. «Дядя Ваня», пьеса г. Чехова.

для «Чайки» г. Чехова, стоящая неизмеримо выше уровня всех премированных пьес, оказываются на втором плане.

Вроде и поставленная на-днях на сцене художественного театра новая пьеса г. Чехова «Дядя Ваня» также не заслужить одобрения пристрастных критиков драматического искусства, так как она значительно отступает от общепринятых рецептов драматического мастерства. «Дядя Ваня» — это картина из жизни деревенских интеллигентов, заброшенных среди дикости и прозы и безцельно гибнущих в своем одиночестве. Дядя Ваня, не имея воли и возможности израсходовать свои силы, и его племянница Соня всю свою жизнь работали для профессора, отца Соны, поклонялись ему, считая его гением, и только на 47-м году жизни дядя Ваня понял, что профессор — ничтожество, что жизнь свою он потерял напрасно. Профессор (уже в отставке) со своей второй женой приезжает в имение, принадлежащее дочери. Дядя Ваня безнадежно влюбляется в его жену, молодую, красивую женщину, с пассивной жалкой жизни, с бесплодными желаниями, которые не приводят к счастью. В третьем действии дядя Ваня застаёт любимую женщину в объятиях своего приятеля доктора, к которому она равнодушна. Вслед за этим приходит профессор и, собрав семейный совет, объявляет, что он решил продать имение, принадлежащее дочери, и жить на проценты с капитала, оставив всех родных на произвол судьбы. Это приводит дядю Ваню в бешенство; он высказывает профессору в лицо свои горькие соображения о его ничтожестве и о своей загубленной жизни, и, в конце концов, стреляет в профессора, но промахивается.

В последнем действии профессор с женой уезжают. Дядя Ваня примиряется с ним и общается

попрежнему присылать ему весь доход с имения, чтобы он мог жить в городе. Интересна фигура доктора: талантливый человек с фантастическими планами о разведении львов. Льва смягчают климат, климат смягчает нравы и способствует развитию наук и искусств. Все это, конечно, через 1000 лет, но это его не смущает. А пока он пьёт и понемногу опускается, не в силах противостоять окружающей пошлости. «Во всем уезд нас было только двое порядочных людей, но и наша пьеса сыта», — говорит он. «Как же жить дальше?» — с тоскою спрашивает дядя Ваня. — «Быть может, мне суждено дожить до 60 лет? Чем наполнить эти тринадцать лет?» С тоски он пытается отравиться, но Соня, безнадежно влюбленная в доктора, предостерегает добрая девушка, просит не оставлять ее одной; дядя Ваня остается жить и в этом весь ужас положения. «Нужно работать, работать», — с искусственной бодростью, говорит он. В конце пьесы, после отъезда профессора с женой и доктора, дядя Ваня сидит за столом и заносит в гротеск-бух какие-то счета: «2-го февраля масла постного 20 фунтов», — борючет он. Соня сидит тут же; у обоих слезы стоят в глазах, и в конце-концов дядя Ваня плачет, опустив голову на стол, а Соня утешает его: в другом мире они «успокоятся», узнают счастье... Пьеса Чехова — маленькое окошечко с тусклым стеклом, законченным авторским пессимизмом, через которое глядя на всю безграничную Россию, где в глухих углах бесплодно гибнут добрые силы, бессильные в своем одиночестве и не приспособленности.

В. Дадонь.